

50 дней

на то, чтобы
научиться жить

Mira Vane

Mira Vane

**50 дней на то, чтобы
научиться жить**

«Автор»

2026

Vane M.

50 дней на то, чтобы научиться жить / М. Vane — «Автор», 2026

«Артём привык прятать свою уязвимость за молчанием и объективом камеры: ему кажется, что показывать слабость — значит становиться мишенью. На фоне школьных будней он пытается держаться в стороне, пока работа над стендом не сталкивает его с Кирой, Марком и Сашей. Вместе им предстоит не просто собрать проект, а научиться говорить о том, что больно: Кира подбирает слова, способные поддержать, Марк учится не заглушать чужую тишину, а Саша решается признаться в старой ошибке. Через их общую работу Артём понимает: сила — не в том, чтобы ни на секунду не показывать, как тебе тяжело, а в том, чтобы рядом были те, кто не осудит за эту тяжесть. Это история о том, как команда помогает сделать шаг из тени — и как в самых обычных днях рождается настоящее доверие».

© Vane M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День первый. Список	5
Глава 2. День второй. Чужая вина	8
Глава 3. День третий. Хорошие моменты — и как их почти не видно	10
Глава 4. День четвёртый. Сказать «нет»	12
Глава 5. День пятый. Место, где можно не прятать взгляд	14
Глава 6. День шестой. Совместная работа	17
Глава 7. День седьмой. Когда слово становится опорой	20
Глава 8. День восьмой. Когда чужой взгляд становится своим	23
Глава 9. День девятый. Когда слово преподавателя бьёт сильнее смеха	26
Глава 10. День десятый. Когда тяжесть делится пополам	29
Глава 11. День одиннадцатый. Тёплое слово и чужой холод	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Mira Vane

50 дней на то, чтобы научиться жить

Глава 1. День первый. Список

Город будто специально делал всё, чтобы Артём не чувствовал себя своим. В октябре асфальт становился чёрным от дождя и отражал небо так, что казалось, будто идёшь по тонкому стеклу, которое вот-вот треснет. Артём шагал, стараясь не смотреть на отражения: в них он видел себя слишком отчётливо, а это было неприятно. Когда ты слишком отчётливый, тебя легче заметить. А когда замечают — начинают тыкать словами, как палками.

Артему шестнадцать лет, он подросток с обострённым восприятием мира. Его интеллект скорее интуитивный, чем академический: он хорошо чувствует людей, но плохо вписывается в социальные шаблоны.

В школе его называли «тот странный», и это прозвище звучало не как характеристика, а как ярлык, который приклеивали намертво. Странность Артёма была не в громких поступках, а в том, как он смотрел на мир: замечал, как свет ложится на углы парт, как тень от жалюзи дрожит на стене, как у некоторых людей в глазах появляется короткая пауза перед тем, как они решают посмеяться над кем-то. Он не мог объяснить это словами так, чтобы его поняли, а если пытался, становилось только хуже.

Сегодня он не пошёл в школу. Не потому, что хотел прогулять, а потому, что не мог заставить себя открыть дверь. Вчера было хуже обычного: кто-то пустил слух, что Артём «подслушивает чужие мысли», и теперь каждый косой взгляд казался прицельным. Даже учителя смотрели на него так, будто он нарушил неписаное правило — быть незаметным.

Дома тоже не было тишины. Мама возвращалась с работы уставшей, и её усталость падала в квартиру, как тяжёлый плащ. Она не хотела быть злой, но слова всё равно получались колющими. «Ты опять ничего не ешь», «Почему ты сидишь и смотришь в одну точку», «Тебе надо быть проще». Быть проще — это, видимо, означало не замечать, как свет дрожит на стене. Артём кивал, соглашался, прятал взгляд и уходил в свою комнату, где единственным безопасным местом была полка с книгами и старая тетрадь, в которую он записывал то, что не мог сказать вслух.

Вчера вечером он сел на кровать, положил перед собой чистый лист и написал: «50 дней на то, чтобы научиться жить». Сначала эта фраза показалась ему слишком громкой, почти смешной. Но потом он понял: если не поставить срок, он так и будет откладывать себя на потом. Пятьдесят дней — не вечность, но достаточно, чтобы попробовать собрать себя заново, по маленьким частям.

Он составил список навыков. Не великих подвигов, а простых вещей, которые почему-то давались тяжелее всего:

День 1: научиться просить о помощи.

День 2: не брать на себя чужую вину.

День 3: замечать хорошие моменты.

День 4: говорить «нет», когда тяжело.

И так далее, до пятидесятого дня. Он не знал, что будет на пятидесятый, но ему хотелось верить, что к тому времени он хотя бы перестанет чувствовать себя стеклянным, сквозь который все смотрят, не видя его самого.

Сейчас, стоя у окна и глядя на мокрый двор, он понимал, что первый пункт — «просить о помощи» — казался самым сложным. Кому он мог бы сказать: «Мне тяжело»? Мама и так

устала. Друзья... у него не было тех, кому можно было бы довериться. В школе его либо игнорировали, либо делали вид, что он — повод для шутки.

Иногда ему казалось, что его странность — это не особенность, а дыра, через которую из него постоянно что-то вытекает. Энергия, уверенность, спокойствие — всё уходило в эту дыру, оставляя только тонкую оболочку, которую так легко проткнуть словом.

Но сегодня он решил попробовать. Пусть даже это будет не просьба вслух, а просто признание внутри себя: да, мне нужна помощь. И пусть первый шаг будет крошечным — просто не прятать эту мысль в дальний угол сознания.

Во дворе появилась Кира — та самая, которую в школе называли королевой. Ей семнадцать лет, она яркая, уверенная, умеет быть в центре внимания. В школе её уважают и немного боятся, потому что она может одним словом поставить человека на место. Кира шла быстро, будто пыталась обогнать дождь, и в её походке было столько уверенности, что казалось, будто весь мир подстраивается под её ритм. Артём смотрел на неё и думал, что Кира — это противоположность ему. Она знала, как быть в центре, как заставить людей смотреть на неё и улыбаться, даже если внутри всё сжималось от напряжения.

Он был в неё влюблён, но эта влюблённость была тихой и безнадёжной, как свет фонарика, который забыли выключить в пустой комнате. Он не мечтал о том, что она вдруг заметит его и всё станет хорошо. Он просто замечал, как она двигается, как по-особенному держит голову, как её смех звучал громче всех остальных. И ещё он замечал то, чего, кажется, не видел никто другой: короткие моменты, когда маска Киры чуть-чуть сползала. Мимолётные секунды, когда в её глазах появлялась усталость, которую она тут же прятала за резким словом или смехом.

Однажды он видел, как после урока она на секунду прислонилась к стене, закрыла глаза и глубоко вздохнула, будто пыталась собрать себя из осколков. Но когда кто-то из ребят прошёл мимо и окликнул её, она тут же выпрямилась, улыбнулась и сказала что-то колкое, что заставило всех рассмеяться. В том числе и над ним.

Кира буллила его не потому, что он ей сильно мешал. Скорее, она использовала его как мишень, чтобы доказать себе и другим, что она всё ещё на вершине. И каждый раз, когда она бросала в его сторону очередную шутку, Артём чувствовал, как эта дыра в нём становится чуть больше. Но он также понимал, что за её стервозностью прячется что-то хрупкое, что она сама едва удерживала.

Сегодня Кира остановилась у подъезда, подняла голову и посмотрела прямо туда, где стоял Артём. На мгновение их взгляды встретились. В её глазах мелькнуло что-то, что он не успел расшифровать — удивление, раздражение или, может быть, тень усталости. Потом она отвернулась и пошла дальше, оставив его одного с этим коротким моментом и с его списком.

Артём снова посмотрел на листок, где были написаны пятьдесят дней. Сегодня — первый. И первый навык — просить о помощи. Он не знал, к кому обратиться, но знал, что если не попробует сегодня, то завтра будет ещё сложнее.

Он достал телефон и открыл чат с единственным человеком, который, возможно, мог его услышать — с тётей Леной, маминной сестрой. Тётя Лена жила в другом городе, но всегда писала длинные, спокойные сообщения, в которых не было упрёков. Он долго смотрел на экран, подбирая слова, чтобы не звучать как человек, который жалуется, а как человек, которому просто нужно немного воздуха.

«Привет, тётя Лена. У меня сейчас тяжело. Не знаю, как объяснить, но будто всё давит. Можно я просто напишу тебе, когда станет совсем невмоготу? Не обязательно отвечать сразу. Просто чтобы было куда написать».

Отправив сообщение, он почувствовал, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось. Это не было решением всех проблем, но это был первый маленький шаг. И, возможно, именно из

таких шагов и складывалась жизнь — не из великих побед, а из маленьких признаний: мне тяжело, мне нужна помощь, я пытаюсь.

Дождь постепенно стихал, и город переставал выглядеть таким враждебным. Артём закрыл окно, сел на пол, прислонившись спиной к стене, и достал тетрадь. На первой странице он аккуратно вывел: «День 1. Я попросил о помощи. Это было страшно, но я сделал это».

И впервые за долгое время он не почувствовал себя стеклянным. Он почувствовал себя просто человеком, который пытается идти вперёд, шаг за шагом.

Глава 2. День второй. Чужая вина

Утро началось с того, что мама торопливо поставила перед ним тарелку и сказала: «Ешь, а то опять будешь весь день бледным». Артём кивнул, взял вилку, но еда казалась безвкусной, будто её приготовили не для него, а для кого-то другого — для обычного подростка, который просыпается с аппетитом и бодростью. Он потыкал вилкой в кашу, подождал, пока мама уйдёт в коридор, и тихо переставил тарелку в сторону. Спорить не хотелось. Объяснять, что «не лезет» — тем более. Споры дома всегда заканчивались одинаково: он чувствовал себя виноватым, даже если ни в чём не был виноват.

Это и было главной ловушкой — привычка брать на себя чужую вину. Если мама злилась из-за пробок, он думал, что мог бы встать раньше и не задерживать её. Если в школе над ним смеялись, он искал, что сделал не так: слишком долго смотрел, недостаточно быстро отвернулся, сказал не то слово. Вина становилась тяжёлым плащом, который он натягивал на плечи, даже когда в комнате было душно.

Второй пункт списка — «не брать на себя чужую вину» — казался почти невыполнимым. Как понять, где заканчивается твоя ответственность и начинается чужая? Как не чувствовать себя виноватым за то, что ты просто существуешь?

В школу он всё-таки пошёл. Не потому что хотел, а потому что «пропускать нельзя», и эта фраза звучала в голове маминым голосом, даже когда мамы рядом не было. Коридоры встретили его привычным шумом: кто-то громко смеялся, кто-то спорил, чьи-то рюкзаки задевали его по спине, и никто не оборачивался, чтобы извиниться. Это было нормально. Это было буднично.

На уроке математики он старался смотреть только на доску, но краем глаза всё равно замечал, как в соседнем ряду ребята тихо перешёптываются, поглядывая в его сторону. Сегодня поводом стал старый случай: кто-то вспомнил, как Артём на прошлом уроке поправил учителя, аккуратно, почти шёпотом, и теперь это превратилось в анекдот, который передавали друг другу, как эстафетную палочку. Каждый добавлял свою деталь, и в итоге выходило, что он не просто поправил, а «унизил» учителя, хотя на самом деле учитель тогда даже улыбнулся и сказал: «Хорошее замечание». Но эту часть истории никто не повторял.

Когда урок закончился, один из парней, Саша, подошёл к нему и нарочно толкнул плечом — не сильно, но так, чтобы это заметили все. «Эй, умник, не лезь, где не просят», — бросил он и тут же отвернулся, будто ничего не произошло. Артём замер на секунду, чувствуя, как привычное чувство вины начинает подниматься изнутри: может, он и правда слишком много на себя берёт? Может, не стоило поправлять? Может, если бы он промолчал, всё было бы нормально?

Но потом он вспомнил свой список. День второй. Не брать на себя чужую вину. И впервые попытался поймать эту мысль до того, как она превратится в тяжёлый комок в груди. Он сделал медленный вдох и проговорил про себя: «Я не виноват в том, что Саша злится. Я не виноват в том, что они смеются. Я просто сказал факт». Слова звучали тихо, почти неслышно, но он повторял их, как заклинание, пока не почувствовал, что плечи немного опустились, а дыхание стало ровнее.

После уроков он не пошёл сразу домой. Вместо этого он свернул в парк, где почти никого не было — только несколько пожилых людей гуляли с собаками, да пара подростков сидела на скамейке, уткнувшись в телефоны. Артём сел на сырую скамейку, не замечая холода, достал свою тетрадь и на новой странице написал: «День 2. Сегодня я не стал оправдываться. Я попробовал не брать вину на себя. Это было трудно, но я не сломался».

Он сидел и смотрел, как капли дождя стекают по листьям, как каждая капля находит свой путь, не спрашивая разрешения у других капель. Ему нравилось думать, что мир устроен из

таких маленьких, незаметных движений, которые вместе создают что-то большое. Его «странность» — эта способность замечать такие детали — вдруг перестала казаться недостатком. Может быть, это просто другой способ видеть мир. Не хуже и не лучше — просто другой.

По дороге домой он снова увидел Киру. Она стояла у автобусной остановки, зябко кутаясь в куртку, и выглядела не как королева школы, а как обычная девушка, которой просто холодно. Она нервно постукивала ногой по бордюру и время от времени поглядывала на расписание, будто надеялась, что автобус приедет быстрее, если смотреть на него пристальнее. На секунду Артём подумал, что, возможно, у неё тоже бывают дни, когда всё идёт не так, и ей тоже хочется спрятаться от чужих взглядов. Но он тут же одёрнул себя: не надо придумывать ей оправдания. У него своих проблем хватает.

Дома мама уже была дома и сразу спросила: «Почему так поздно?» Артём хотел привычно сказать: «Прости, я задержался», но остановился на полуслове. Сегодня он не хотел брать на себя вину за то, что просто дышал и пытался собрать себя по кусочкам. Вместо этого он тихо ответил: «Я сидел в парке. Мне нужно было немного тишины». Мама посмотрела на него с удивлением, будто услышала что-то новое, чего раньше не слышала. Она не стала ругать, просто кивнула и сказала: «Ладно. Погрейся хоть».

Артём пошёл в свою комнату, снял мокрую куртку и сел на кровать. В голове всё ещё крутились слова Саши, взгляды одноклассников, мамины вопросы. Но среди этого шума он смог удержать одну мысль: «Сегодня я не взял на себя чужую вину». И этого было достаточно.

Перед сном он снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Это не значит, что мне не было больно. Это значит, что я не позволил боли превратиться в вину».

Глава 3. День третий. Хорошие моменты — и как их почти не видно

Третий день списка обещал быть обманчиво простым: «замечать хорошие моменты». Артём думал, что это про закаты, про горячий чай, про то, как кот соседа смешно вытягивает лапы. Но реальность третьего дня оказалась совсем другой — она была про то, как хорошие моменты прячутся за кривыми зеркалами чужой жестокости, и чтобы их разглядеть, нужно сначала выдержать удар.

Утро началось с сообщения в школьном чате, который Артём по глупости не удалил. Кто-то выложил фото, где он стоит у шкафчиков — не в центре кадра, а сбоку, будто случайно попал в объектив. Подпись гласила: «Тот самый взгляд, когда понимаешь, что жизнь — это ошибка». Под постом уже было несколько смеющихся эмодзи и комментарии вроде «жизненно» и «я тоже так выгляжу, когда вижу домашку». Артём смотрел на это и чувствовал, как внутри всё сжимается, будто кто-то медленно закручивает невидимый винт.

Он не стал отвечать. Не стал оправдываться. Просто закрыл чат, положил телефон экраном вниз и постарался сосредоточиться на чём-то реальном: на узоре плитки в коридоре, на том, как свет из окна ложится на пол неровными прямоугольниками. Это был его маленький способ держаться: замечать детали, которые не могли его обидеть. Детали были честными. Люди — не всегда.

В классе его место было у окна — тихое, почти незаметное. Но сегодня «незаметность» не сработала. Саша и его компания заняли соседние парты и весь урок делали вид, что обсуждают домашнее задание, но каждое третье слово было направлено в сторону Артёма. «Тише, гений думает», «Не смотри на него, а то он тебе судьбу предскажет», «Может, он вообще не из нашего измерения». Смешки летели, как мелкие камешки: по одному они почти ничего не весили, но когда их становилось много, на коже оставались ссадины.

На перемене стало хуже. Кто-то подложил ему в рюкзак скомканный листок с надписью: «Тебе здесь не место». Артём нашёл его, когда собирался идти в столовую. Он развернул бумагу, прочитал эти четыре слова и на секунду почувствовал, как земля уходит из-под ног. Хотелось просто бросить рюкзак, выбежать из школы и больше никогда не возвращаться. Но вместо этого он аккуратно разгладил листок, положил его в карман (сам не зная зачем — будто это была улика, доказательство, что ему не показалось) и пошёл дальше.

Столовая была самым громким местом в школе. Здесь голоса сливались в один сплошной гул, и в этом гуле легче было спрятаться — или, наоборот, легче стать мишенью. Артём взял поднос, выбрал самое нейтральное блюдо — макароны без соуса, чтобы не привлекать внимания, — и сел за дальний столик. Он надеялся, что его не заметят. Но надежда — вещь хрупкая.

Саша подошёл к его столу, не спеша, будто прогуливался. За ним шли ещё двое — те самые, что смеялись над фото в чате. Саша поставил свой поднос рядом с тарелкой Артёма так, что брызги супа чуть не попали на его тетрадь.

— Чего сидишь тут один? — спросил Саша, хотя ответ был очевиден. — Может, тебе табличку повесить: «Не подходить, кусается»?

Ребята за его спиной захихикали. Артём сжал вилку чуть крепче, чем нужно. Он не хотел смотреть на них, но и не хотел показывать, что боится. Поэтому он посмотрел не на Сашу, а на ложку, которая лежала на подносе, — на то, как на её изогнутой поверхности дрожал свет. И в этот момент он вдруг поймал себя на мысли: свет был красивым. Станным, дрожащим, но красивым. Как будто даже в самой неприятной сцене мир пытался показать что-то хорошее.

— Я не кусаюсь, — тихо сказал Артём. Слова прозвучали не как вызов, а как констатация факта. — Я просто ем.

Саша на секунду запнулся — не ожидал, что ему ответят. Но быстро вернул себе уверенность.

— Ну, смотри, чтобы никто не подумал, что ты на нас смотришь своими странными глазами, — бросил он и ушёл, оставив после себя запах дешёвого дезодоранта и ощущение, что воздух в столовой стал тяжелее.

Артём не доел макароны. Он убрал поднос, стараясь делать всё максимально спокойно, будто ничего не произошло. Но руки слегка дрожали. По дороге к выходу он остановился у окна в коридоре — большого, старого, с деревянной рамой, которая местами облупилась. За окном шёл мелкий дождь, но сквозь него пробивалось солнце, и капли на стекле переливались, как крошечные призмы. В этот миг мир снова показал ему что-то красивое — не взамен на боль, а просто потому, что красота существует даже там, где больно.

Артём достал свою тетрадь и на чистой странице написал: «День 3. Сегодня было много плохого. Но я заметил один хороший момент: капли на окне переливаются, как маленькие радуги. Если бы не буллинг, я бы, наверное, вообще не остановился у этого окна. Значит, даже в плохом есть путь к чему-то светлому — если не сдаваться».

Он шёл домой, чувствуя, как в кармане лежит скомканный листок. «Тебе здесь не место». Эти слова всё ещё звенели в голове, но теперь к ним добавилось другое: «Но я всё равно иду вперёд».

Дома было тихо. Мама ещё не вернулась с работы, и квартира казалась непривычно спокойной. Артём сел на подоконник, открыл окно на маленькую щелочку, чтобы впустить свежий воздух, и стал смотреть, как капли стекают по стеклу соседнего дома. Он думал о том, что мир состоит из противоречий: в одном дне может быть столько боли, и в том же дне — столько красоты. И задача не в том, чтобы боль исчезла, а в том, чтобы научиться видеть красоту, даже когда больно.

Когда мама вернулась, она сразу заметила, что он какой-то тихий.

— Опять в школе тяжело? — спросила она не строго, а устало.

Артём хотел привычно сказать: «Всё нормально», чтобы не добавлять ей забот. Но сегодня он вспомнил свой список. День третий — замечать хорошее. А хорошее иногда начинается с честности.

— Не очень, — признался он. — Надо мной издеваются. Не сильно, но... каждый день понемногу.

Мама замерла на секунду, будто эти слова были для неё неожиданностью. Она подошла, села рядом, не пытаясь сразу давать советы или ругать кого-то. Просто посидела рядом.

— Прости, что я не замечала, — тихо сказала она. — Я так кручусь, что иногда забываю смотреть по сторонам. Расскажи, если хочешь. Или не рассказывай. Я просто посижу тут.

И в этой простой фразе — «я просто посижу тут» — было столько хорошего, что Артём почувствовал, как внутри что-то чуть-чуть оттаивает. Это не было решением всех проблем. Но это было тем самым моментом, который стоило заметить: кто-то был готов его выслушать, даже если не знал, что сказать.

Перед сном он снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «День 3. Хороший момент сегодня был не только в каплях на окне. Хороший момент был в том, что мама просто посидела рядом и не стала ничего исправлять. Иногда этого достаточно».

Глава 4. День четвёртый. Сказать «нет»

Четвёртый пункт списка казался самым простым на бумаге: «говорить нет, когда тяжело». Но когда слова застревают в горле, а тело будто само тянется согнуться, чтобы стать меньше, «нет» превращается в камень, который нужно поднять одной рукой. Артём знал это чувство: каждый раз, когда хотелось просто сказать «хватит», внутри щёлкал маленький предохранитель — и вместо отказа он кивал, опускал глаза, делал вид, что всё нормально.

Этот день начался как обычно: с тяжёлого воздуха в коридоре, с чужих взглядов, скользящих по нему, как по пустой стене. Только сегодня к привычной тяжести добавилось странное предчувствие — будто день не хочет быть обычным, будто он копит в себе что-то новое.

На большой перемене Саша и его компания загнали Артёма в угол между шкафчиками и стеной — не силой, а смешками и словами, которые теснили, как невидимые руки. Они не били, не толкали — они делали хуже: превращали его в шутку, которую можно повторять снова и снова, и каждый раз она становилась громче.

— Ну что, философ, о чём думаешь? — Саша прислонился к шкафчику, будто это была его личная сцена. — Может, расскажешь нам, как устроен мир? Мы тут скучаем.

Ребята вокруг захихикали, кто-то передразнил его взгляд — медленный, внимательный, будто он пытается прочесть не слова, а мысли за ними. Артём почувствовал, как привычная тяжесть вины снова тянет его вниз: может, он и правда слишком много смотрит? Может, если он перестанет замечать, его перестанут замечать?

Он уже почти открыл рот, чтобы сказать что-то тихое и сглаживающее — «да ладно, я ничего», «я просто задумался», — как вдруг рядом прозвучал чужой голос. Низкий, спокойный, без насмешки.

— Ты его не спрашивал. Если он не хочет болтать — пусть не болтает.

Все обернулись. У входа в коридор стоял новенький. Его ещё толком никто не знал, но он сразу выделялся — не кричащей одеждой и не громким поведением, а тем, как уверенно он держал себя, будто точно знал, где его место, даже если места ему ещё никто не выделил.

Его звали Марк. Он был полной противоположностью Артёма: быстрый, резкий, привыкший действовать, а не наблюдать. В прошлой школе, как шептались ребята, он дрался за справедливость — не из-за себя, а из-за тех, кого считали слабыми. Он не любил несправедливость не как абстрактное зло, а как личную обиду: будто кто-то намеренно портит мир, и это нужно остановить.

Саша прищурился, будто пытался понять, кто перед ним.

— А ты кто такой, чтобы указывать? — спросил он, но в голосе уже не было прежней уверенности.

Марк пожал плечами.

— Тот, кто видит, когда кого-то зажимают в угол. И мне это не нравится.

Саша хотел что-то ответить, но тут прозвенел звонок, и коридор начал пустеть, как будто сам день решил, что сцена затянулась. Компания Саши неохотно потянулась на урок, бросая на Марка короткие, оценивающие взгляды — не враждебные, а скорее настороженные: появился новый игрок, и пока непонятно, как с ним играть.

Артём остался стоять между шкафчиками, чувствуя, как напряжение медленно отпускает плечи. Марк посмотрел на него — не с жалостью, не с любопытством, а так, будто видел в нём просто человека, которому только что было тяжело.

— Ты как? — коротко спросил он.

Артём хотел привычно сказать «всё нормально», но остановился. Сегодня был день, когда нужно учиться говорить «нет» — а значит, и учиться говорить правду, даже если она неудобная.

— Не очень, — признался он. — Но уже лучше. Спасибо, что... вмешался.

Марк кивнул, будто это было не геройство, а просто нормальный поступок — как дверь придержать или рюкзак помочь донести.

— Если они снова начнут — скажи. Я не люблю, когда толпой на одного.

И он пошёл дальше по коридору, легко, будто не сделал ничего особенного. Но для Артёма это было особенным: впервые за долгое время кто-то не просто не присоединился к смеху, а встал на его сторону.

Остаток дня прошёл странно — не легче, но как будто тише. Саша и его друзья больше не подходили, только бросали короткие взгляды, будто проверяли, насколько далеко может зайти новенький. Артём старался не думать об этом слишком много. Вместо этого он вспоминал слова Марка: «Если они снова начнут — скажи». В них было что-то важное — не обещание спасти, а предложение опоры: ты не один, и ты можешь попросить о помощи.

После уроков Артём сел на скамейку в школьном дворе, достал свою тетрадь и написал: «День 4. Сегодня я не сказал нет вслух. Но я не стал притворяться, что мне не тяжело. И ещё сегодня появился Марк — он не такой, как я, но он увидел, что мне плохо, и просто встал рядом. Это тоже форма нет — когда кто-то говорит нет чужой жестокости вместо тебя. Я попробую в следующий раз сказать это сам».

Он закрыл тетрадь и посмотрел на небо — серое, но не мрачное, а будто уставшее от собственного дождя. И вдруг заметил, как между тучами пробивается тонкая полоска света — не яркая, не праздничная, а тихая, как тот момент, когда мама просто посидела рядом. Артём улыбнулся чуть-чуть, почти незаметно. Хороший момент. Маленький, но настоящий.

По дороге домой он снова увидел Киру — она стояла у автобусной остановки, куталась в шарф и выглядела так, будто весь день пыталась быть сильнее, чем ей хотелось. На секунду их взгляды встретились, и в её глазах мелькнуло что-то знакомое — усталость, которую она прятала за привычным холодным выражением лица. Артём не стал отворачиваться сразу. Он просто кивнул — не как поклон, а как тихое признание: «я вижу, что тебе тоже нелегко». Кира нахмурилась, будто этот кивок сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но не резко, а как будто ей нужно было время, чтобы собраться.

Дома мама снова спросила, как день. И на этот раз Артём не стал сглаживать углы.

— Было тяжело, — сказал он. — Но появился новенький, Марк. Он заступился за меня. И я... я не стал делать вид, что ничего не было.

Мама помолчала, потом подошла и просто обняла его — не сильно, но достаточно, чтобы он почувствовал, что его слышат.

— Прости, что я раньше не замечала, — снова сказала она. — Но я рада, что теперь ты говоришь.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не сказал нет. Но я не сказал всё нормально, когда это было неправдой. Это уже шаг. И появился Марк — человек, который не боится говорить нет чужим правилам. Может, я научусь у него».

Глава 5. День пятый. Место, где можно не прятать взгляд

Пятый день по списку не имел отдельного пункта — Артём решил, что сегодня будет просто «день, когда я не убегаю». Не от людей, не от разговоров, не от собственных мыслей. Он не ждал чудес, но надеялся, что сможет пройти по коридору и не чувствовать себя мишенью.

С утра Марк сам подошёл к нему у шкафчиков — не громко, без лишней суеты, будто это самое обычное дело: встретить знакомого и пойти вместе.

— Ты тут опять стоишь, как будто ждёшь, что коридор сам расступится, — спокойно сказал он, прислоняясь к соседней дверце. — Пойдём, пока эти... — он чуть замялся, подбирая слово, чтобы не звучать как герой из фильма, — пока эти любители шуток не проснулись. Тут есть место потише.

Артём хотел привычно отмахнуться: «Да я сам, мне нормально», но вспомнил вчерашнюю запись в тетради и вместо этого просто кивнул. И это «кивок» вдруг стал чем-то вроде «да, я принимаю твою помощь».

Они пошли не к главному выходу, а в дальний угол школы — туда, где между спортзалом и мастерской тянулся полутёмный коридорчик с одним маленьким окном. Здесь почти никто не ходил, потому что тут не было ничего интересного: ни шкафчиков, ни расписания, ни места, где удобно толпиться. Для Артёма это было идеальное место — тихое, с правильной геометрией теней. Для Марка — просто «место, где никто не лезет».

— Тут всегда пусто, — пояснил он, скидывая рюкзак на пол и садясь прямо на подоконник. — Я вчера тут сидел, думал.

— О чём? — спросил Артём, сам удивляясь, что вообще задал вопрос. Обычно он старался не привлекать к себе внимание, а уж тем более не начинать разговоры.

Марк пожал плечами, но не так, будто ему всё равно, а так, будто не хотел делать из этого большую историю.

— Да обо всякой ерунде. О том, что в новой школе все смотрят и ждут, что ты будешь кем-то определённым. А я не хочу быть тем, кого они себе придумали.

Артём сел на пол, прислонившись спиной к стене, и вдруг понял, что впервые за долгое время не чувствует необходимости сжиматься, чтобы стать меньше.

— Я знаю это чувство, — тихо сказал он. — Только у меня оно другое: я не хочу быть «странным». Но когда пытаюсь быть как все, получается ещё хуже.

Марк не стал говорить «да брось, ты нормальный» — Артём ненавидел эти фразы, потому что они звучали как приказ перестать быть собой. Вместо этого он просто кивнул, будто принял эту странность как факт, такой же, как цвет стен или высоту подоконника.

— Знаешь, — сказал Марк, — в моей прошлой школе был парень, который всё время рисовал на полях тетрадей. Не комиксы, не аниме, а какие-то странные штуки: линии, которые сходились в одной точке, и подписи мелким почерком. Все смеялись, что он «не от мира сего». А потом оказалось, что он так решал задачи по физике — не формулами, а картинками. Учитель сказал, что у него нестандартное мышление, и взял его на олимпиаду. Парень выиграл.

Артём слушал и чувствовал, как внутри что-то тихо щёлкает на место. Не потому, что история была про него, а потому, что Марк говорил о «странности» не как о недостатке, а как о способе видеть мир.

— У тебя тоже так, — вдруг добавил Марк, будто прочитал его мысли. — Ты смотришь не туда, куда все. Это бесит тех, кто привык, что все смотрят в одну сторону. Но это не значит, что твой взгляд неправильный.

Артём не знал, что на это ответить. Слова крутились в голове, но казались слишком громкими для этого тихого уголка. Поэтому он просто сказал:

— Спасибо, что не сказал «ты нормальный». Это всегда звучит как «перестань быть собой».

Марк усмехнулся, но без насмешки — скорее, с облегчением, что его поняли.

— Ненавижу эти шаблонные фразы. Если человеку плохо, не надо его успокаивать словами, которые ему не помогают. Надо просто быть рядом.

Они посидели в тишине, и эта тишина не была неловкой. Она была как пауза между двумя аккордами — не пустота, а пространство, где можно собраться с мыслями. Артём смотрел, как свет из маленького окна ложится на пол узкими полосками, и вдруг поймал себя на мысли, что ему не хочется никуда убегать. Впервые за долгое время он чувствовал, что его не оценивают, не судят, не пытаются загнать в какую-то роль.

Потом Марк достал из рюкзака бутерброд и протянул половину.

— Держи. Я всегда беру два. Не знаю почему. Наверное, на всякий случай.

Артём взял, хотя есть не хотелось. Но этот бутерброд был не про еду — он был про то, что кто-то подумал о нём заранее, ещё до того, как он понадобился.

— А ты... — Марк запнулся, будто решался на что-то, — ты не боишься вот так сидеть? В смысле, если кто-то увидит, что мы тут вдвоём, начнут придумывать всякое.

Артём задумался. Раньше он бы испугался: «А что скажут?», «А вдруг это сделает только хуже?». Но сегодня он вспомнил свой список и тихо ответил:

— Боюсь. Но я не хочу, чтобы страх решал, с кем мне можно сидеть.

Марк улыбнулся — не широко, а так, будто услышал что-то важное.

— Вот это правильно, — сказал он. — Страх пусть будет, но не главный.

На уроке они сидели не рядом — это было бы слишком заметно, — но Марк как будто случайно проходил мимо его парты, бросал короткое «всё норм?» и кивал, если Артём кивал в ответ. Этого было мало, но для Артёма это стало опорой: кто-то видел его и не делал вид, что его нет.

После уроков они снова встретились в том же уголке. На этот раз Артём пришёл первым и уже сидел на подоконнике, глядя, как капли дождя стекают по стеклу. Марк подошёл, сел рядом, и они снова помолчали — но теперь это молчание было не от неловкости, а от того, что слова не были нужны каждую секунду.

— Расскажи что-нибудь, — вдруг попросил Марк. — Не про школу. Про что хочешь. Хоть про облака, хоть про старые фильмы. Просто чтобы не думать про тех, кто бесит.

Артём на секунду замер, будто его попросили прыгнуть с высоты, к которой он не готовился. Но потом он вспомнил, как любит замечать детали, и решил, что это и будет его рассказ — не про большие события, а про маленькие вещи, которые делают мир настоящим.

— Вчера, — начал он, — я шёл домой и заметил, что у одного дома на углу фонарь светит не прямо, а чуть вбок. Из-за этого тень от ветки ложится на стену как кривая линия, и каждый вечер она чуть-чуть другая — в зависимости от ветра. Я смотрел на неё минут пять, и мне казалось, что это чей-то почерк — будто кто-то пишет на стене невидимыми чернилами.

Марк слушал внимательно, не перебивая, не смеясь, не пытаясь свести к чему-то простому. Когда Артём закончил, он просто сказал:

— Это красиво. Я бы не заметил. У меня взгляд другой: я вижу, где кто стоит, кто напряжён, кто готов что-то выкинуть. А ты видишь, как тень пишет на стене. Это тоже навык. Просто другой.

В этот момент Артём почувствовал, как что-то внутри него чуть-чуть выпрямляется — не гордость, а скорее облегчение: его странность не нужно прятать, если рядом есть тот, кто не считает её недостатком.

Перед уходом Артём достал свою тетрадь и написал: «День 5. Сегодня я не прятал свой взгляд. Я рассказал про тень на стене, и Марк не посмеялся. Он сказал, что это красиво. Оказывается, странность может быть не дырой, в которую всё вытекает, а окном, через которое видно то, чего другие не замечают. И ещё я понял: чтобы не бояться быть собой, иногда достаточно одного человека, который просто сидит рядом и не торопит тебя стать кем-то другим».

По дороге домой он снова увидел Киру. Она стояла у остановки, куталась в шарф, и на этот раз в её взгляде было не раздражение, а что-то похожее на любопытство — будто она заметила, что Артём теперь не так часто опускает глаза. Он не стал ничего объяснять, просто коротко кивнул, как человеку, которого видишь каждый день. Кира чуть нахмурилась, будто этот простой жест сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но уже не так резко.

Дома мама спросила, как день. И на этот раз Артём ответил не «нормально», а честно:

— Было тяжело, но появился Марк. Мы с ним сидим в тихом уголке, разговариваем. Он... он не пытается меня переделать.

Мама села рядом, улыбнулась — не слишком ярко, чтобы не давить, а так, будто радовалась тихому, но важному событию.

— Рада, что ты нашёл того, с кем можно быть собой, — сказала она. — Это самое ценное.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не сказал нет кому-то плохому. Но я сказал да хорошему: да, я расскажу про тень; да, я посижу рядом; да, я приму бутерброд. Иногда нет начинается с да — с согласия на то, что делает тебя сильнее».

Глава 6. День шестой. Совместная работа

Шестой день не значился в списке отдельным пунктом, но Артём подумал, что сегодня он попробует ещё одну вещь: не просто принимать помощь, а быть полезным. Не «не мешать», не «быть незаметным», а делать своё дело так, чтобы рядом с ним становилось чуть легче.

Повод появился неожиданно. На уроке обществознания учительница объявила: «Проектная работа в парах. Тема — Город как отражение общества. Формат свободный: презентация, эссе, коллаж, хоть макет — главное, чтобы была идея и логика». И тут же по классу пробежал тихий гул: все заранее знали, кто с кем будет, и эти пары складывались годами, как устойчивые молекулы.

Артём привычно приготовился к тому, что его оставят на потом — когда все разобьются, и останется только он. Но не успел он додумать эту мысль до конца, как Марк спокойно поднял руку и сказал:

— Я с Артёмом.

Учительница кивнула, будто это самое обычное дело, хотя в классе повисла короткая пауза — как будто все на секунду перестали дышать. Кто-то хмыкнул, кто-то переглянулся, но спорить никто не стал.

После урока Саша нарочно толкнул Артёма плечом, проходя мимо:

— Ну, поздравляю. Теперь ты не просто странный, ты ещё и «с ним». Думаешь, это тебя спасёт?

Артём хотел опустить глаза, привычно спрятать взгляд, но вспомнил вчерашний разговор в тихом уголке: «Страх пусть будет, но не главный». Поэтому он не отвёл взгляд, а просто спокойно ответил:

— Думаю, мы просто будем делать проект.

Саша прищурился, будто искал в этих словах повод для насмешки, но не нашёл — потому что в них не было ни вызова, ни оправданий, только факт. И он ушёл, бросив через плечо: «Смотрите, какой деловой».

Когда они остались вдвоём, Марк усмехнулся, но без веселья — скорее с усталой иронией.

— Привыкай. Пока они не поймут, что я не шучу, будут проверять.

— А ты не шутишь? — тихо спросил Артём.

Марк посмотрел на него прямо, без снисхождения:

— Нет. Мне не нравится, когда дают. И мне не нравится, когда делают вид, что человека нет. Ты есть. И у нас есть проект. Давай думать, что делать.

Они договорились встретиться после уроков в библиотеке — там было тише, чем в коридорах, и меньше шансов, что кто-то будет стоять над душой. Артём пришёл первым и сел у окна, где свет ложился на стол ровными квадратами. Он любил такие места: в них мир казался чуть более упорядоченным. Марк пришёл через пять минут, с рюкзаком, из которого торчали листы бумаги и старый фотоаппарат — не модный, а такой, будто его купили на барахолке.

— Это для коллажа, — коротко пояснил он. — Я люблю снимать детали: трещины на асфальте, старые вывески, тени. Не портреты, а... следы города.

Артём вдруг улыбнулся — не широко, а так, будто внутри щёлкнуло что-то правильное.

— Знаешь, это похоже на то, как я вижу мир. Только я не снимаю, я просто замечаю.

Марк кивнул, будто слышал не просто слова, а подтверждение своей догадки: они разные, но их способы смотреть на мир не противоречат друг другу — они дополняют.

Они начали раскладывать идеи на столе. Марк предлагал снимки, Артём — ассоциации: «эта трещина похожа на карту реки», «эта вывеска — как старая фраза, которую все забыли».

Постепенно из разрозненных деталей начала складываться концепция: «Город не только там, где здания. Он там, где остаются следы людей — в трещинах, в надписях, в тенях».

Но тишина длилась недолго. Через полчаса в библиотеку зашла компания Саши. Они не спешили, будто просто шли мимо, но каждый их шаг звучал слишком громко, каждый взгляд был прицельным.

Один из ребят, Дима, остановился у их стола и нарочно задел стопку распечаток — листы рассыпались по полу.

— Ой, прости, — сказал он, но в голосе не было ни капли сожаления. — Тут так тесно... или это просто столько мусора?

Саша подошёл следом и наклонился над столом, разглядывая их наброски.

— «Следы города»? — протянул он с преувеличенным интересом. — Это вы про свои следы, что ли? Которые остаются, когда вы идёте и все расступаются?

Ребята вокруг захихикали, и этот смех был как холодный ветер — он не бил в лицо, но забирался под одежду, заставляя плечи невольно сжиматься. Артём почувствовал, как привычная тяжесть снова тянет его вниз: может, идея и правда глупая? Может, они ничего не понимают?

Марк не стал кричать или вставать в позу. Он просто медленно собрал листы, положил их перед собой и посмотрел Саше прямо в глаза — не агрессивно, а твёрдо, как человек, который знает, что делает.

— Мы делаем проект, — спокойно сказал он. — Если хочешь помочь — бери лист и ищи следы. Если нет — не мешай.

Саша на секунду замер, будто не ожидал, что ему ответят без эмоций, без крика, просто фактом. Он хотел что-то сказать, но тут в зал вышла библиотекарь — строгая, с седыми волосами, собранными в тугой пучок, и взглядом, который умел останавливать даже самых шумных.

— В библиотеке не кричат, — сухо сказала она, глядя прямо на Сашу. — И не разбрасывают чужие работы. Если хотите заниматься — садитесь за отдельный стол и работайте. Если нет — выходите.

Компания неохотно отошла, бросая короткие взгляды, в которых смешивались раздражение и неловкость: их поставили на место, и сделали это не криком, а спокойствием.

Когда они ушли, в зале снова стало тихо — но теперь эта тишина была другой. Она не давила, а будто подтверждала: здесь есть место для их работы, и никто не имеет права его забирать.

Марк выдохнул, чуть расслабил плечи и посмотрел на Артёма.

— Извини, что они лезут.

Артём покачал головой.

— Не извиняйся. Ты ведь не отвечаешь за них.

И в этот момент он вдруг понял, что впервые не чувствует себя виноватым в том, что над ним издеваются. Вина не прилипла к нему, не стала его частью. Это было чужое поведение, и оно не имело права определять, кто он такой.

Они продолжили работать. Артём записывал свои ассоциации, Марк подбирал снимки, и постепенно из хаоса идей начал складываться порядок. В какой-то момент Марк вдруг остановился, посмотрел на один из набросков Артёма — на нём была нарисована тень, похожая на изломанную стрелку, — и тихо сказал:

— Знаешь, эта штука... она как поворот в городе. Не тот, что на карте, а тот, который ты замечаешь только когда идёшь и смотришь под ноги. Я хочу её использовать.

Артём почувствовал, как внутри что-то тихо теплеет — не гордость, а скорее облегчение: его взгляд оказался нужным. Не «странным», а полезным.

Перед уходом он достал свою тетрадь и написал: «День 6. Сегодня я не просто терпел. Я работал. И моя странность — мои наблюдения — стали частью проекта. Марк не спрятал их, а взял. Это значит, что я могу быть собой и при этом быть полезным. И ещё я понял: иногда достаточно одного человека, который не отводит взгляд, чтобы ты перестал прятать свой».

По дороге домой они шли рядом, не слишком близко, чтобы не давать поводов для сплетен, но и не далеко — так, чтобы чувствовать, что рядом есть тот, кто не даст загнать тебя в угол.

Кира снова стояла у остановки. На этот раз она не куталась в шарф, а смотрела прямо на них — не на Артёма, а на эту новую связь между ним и Марком, будто пыталась понять, что изменилось. Артём не стал отворачиваться. Он просто коротко кивнул — не как поклон, а как тихое «я здесь, и я не прячусь». Кира нахмурилась, будто этот взгляд сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но уже не так резко — будто в её броне появилась маленькая царапина.

Дома мама снова спросила, как день. И на этот раз Артём ответил не «нормально», а честно:

— Было тяжело. Но мы с Марком делали проект. И я понял, что мои мысли — это не мусор, который разлетается, когда кто-то задевает стол. Это часть работы.

Мама села рядом, улыбнулась — не слишком ярко, чтобы не давить, а так, будто радовалась тихому, но важному событию.

— Рада, что ты нашёл, где твоим мыслям есть место, — сказала она.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не сказал нет плохим словам. Но я сказал да своей идее. И Марк сказал да ей вместе со мной. Иногда этого достаточно, чтобы день перестал быть тяжёлым».

Глава 7. День седьмой. Когда слово становится опорой

Седьмой день по списку не имел чёткой формулировки — Артём просто написал: «попробовать не прятаться, если правда на моей стороне». Он не знал, как это будет выглядеть в жизни, но надеялся, что если момент придёт, он не отведёт глаза.

Проект шёл вперёд. За два дня они с Марком собрали целую папку находок: снимки старых табличек, обрывки афиш, зарисовки трещин на асфальте, которые Артём видел как линии судьбы. Марк всё чаще говорил: «Слушай, а вот это ты заметил — давай сюда», и от этих слов внутри у Артёма что-то тихо выпрямлялось: его взгляд становился частью их общей работы.

Но школа не собиралась сдаваться так просто. На третий день подготовки к проекту Саша и его компания будто решили проверить, насколько прочной окажется эта новая связь. Марк держался спокойно, будто привык к таким проверкам, но Артём видел, как у него чуть напрягаются плечи, когда кто-то нарочно проходит слишком близко, задевая рюкзак, или громко смеётся рядом, чтобы сбить с мысли.

В тот день всё случилось на перемене, в том самом полутёмном коридорчике между спортзалом и мастерской — в их «тихом уголке». Они раскладывали распечатки на подоконнике, когда туда ввалилась компания Саши.

— О, смотрите, — протянул Саша, останавливаясь в проёме и загораживая свет. — Архитекторы города. Только вот здания у вас какие-то кривые. Или это вы так мир видите?

Ребята вокруг захихикали, но смех звучал не так уверенно, как раньше: они ждали, что Марк вспыхнет, начнёт огрызаться, и тогда можно будет сказать: «Ну вот, я же говорил, он неадекватный». Но Марк не вспыхивал. Он просто сложил руки на груди и спокойно смотрел на Сашу, будто оценивал, насколько тот готов к разговору.

— Если хочешь помочь — бери лист и смотри, — сказал он ровно. — Если нет — не трать наше время.

Саша прищурился, будто искал в этих словах повод для злости. И нашёл его не в Марке, а в Артёме.

— А он вообще что тут делает? — кивнул он в сторону Артёма. — Он же даже нормально говорить не умеет. Всё какие-то тени разглядывает. Может, ему лучше в тёмный угол сесть и там сидеть, чтобы не мешать нормальным людям?

Слова ударили не грубо, а тонко — как лезвие, которое режет не кожу, а уверенность. Артём почувствовал, как привычное онемение начинает подниматься изнутри: может, он и правда лишний? Может, его «тени» никому не нужны?

Он уже почти опустил глаза, почти позволил этому чувству победить, как вдруг заметил кое-что странное: на одном из листов, который он только что достал, была фотография старой вывески — полустёртой, с буквами, которые сливались в причудливые узоры. И в этих узорах он вдруг увидел не мусор, а смысл: будто город шептал что-то важное, если уметь слушать.

И в этот момент он понял: он не обязан прятать то, что видит. Не обязан делать вид, что его взгляд — это недостаток. Его взгляд — это его способ понимать мир. И если Марк готов это принимать, значит, это имеет право на существование.

Саша уже собирался добавить что-то ещё, но тут Артём тихо, но отчётливо произнёс:

— Не надо так про него.

Все обернулись. Даже Марк на секунду замер, будто не ожидал, что первым заговорит Артём. Саша даже усмехнулся, будто услышал что-то забавное.

— Что-что? — переспросил он, нарочно делая вид, что не расслышал. — Ты что-то сказал?

Артём сжал пальцы в кулаки, чувствуя, как по рукам бежит лёгкая дрожь — не от страха, а от напряжения, как будто он впервые пробовал удержать что-то тяжёлое. Но он не отвёл взгляд.

— Я сказал: не надо так про него, — повторил он чуть громче. — Марк нормально всё делает. И мы нормально работаем. Если тебе не нравится — не смотри.

Саша нахмурился, будто столкнулся с чем-то непривычным: не с криком, не с агрессией, а с тихой, но твёрдой правдой. Он хотел что-то ответить, но тут в коридор заглянула дежурная учительница — не строгая, но внимательная, из тех, кто замечает, когда в воздухе становится слишком много напряжения.

— Здесь не место для споров, — спокойно сказала она. — Если хотите поговорить — говорите тише. Если нет — расходитесь.

Компания Саши неохотно потянулась прочь, бросая на Артёма короткие, оценивающие взгляды — не злые, а скорее удивлённые: «А он может».

Когда они остались вдвоём, Марк посмотрел на Артёма так, будто увидел его заново.

— Ты... — начал он и запнулся, будто подбирал слова, чтобы не сделать из этого слишком большую историю. — Ты за меня заступился.

Артём пожал плечами, хотя внутри всё ещё дрожало.

— Просто... это было несправедливо. А ты нормально всё делаешь.

Марк улыбнулся — не широко, а так, будто ему стало чуть спокойнее на душе.

— Спасибо, — просто сказал он. — Это важно. Не потому что я сам не могу, а потому что когда кто-то встаёт рядом — это другое.

Они вернулись к работе, но теперь в их тишине было что-то новое: не просто отсутствие шума, а ощущение, что они держат друг друга. Артём снова посмотрел на фотографию со стёртой вывеской и вдруг понял, что в этих размытых буквах есть ритм — как в стихотворении, где смысл прячется между строк.

— Знаешь, — тихо сказал он, — эта вывеска... она как будто говорит: «Не спеши. Смотри внимательнее».

Марк кивнул, будто услышал не просто слова, а что-то личное.

— Да, — согласился он. — Иногда самое важное написано так, что его почти не видно. Но если остановиться и присмотреться — оно есть.

Перед уходом Артём достал свою тетрадь и написал: «День 7. Сегодня я впервые сам заступился за кого-то. Не кричал, не дрался, просто сказал правду: Не надо так. И это оказалось труднее, чем я думал, но и важнее. Я понял, что защищать — это не всегда про силу. Иногда это про то, чтобы не позволить неправде звучать громче правды. И ещё я понял, что моя странность — это не помеха. Это мой способ видеть, где правда, а где просто шум».

По дороге домой они шли рядом, не слишком близко, но и не далеко — так, чтобы чувствовать, что рядом есть тот, кто не даст загнать тебя в угол. Кира снова стояла у остановки. На этот раз она не куталась в шарф и не смотрела в телефон — она смотрела прямо на них, будто пыталась понять, что изменилось. Артём не стал отворачиваться. Он просто коротко кивнул, как человеку, которого видишь каждый день, и в этом кивке было что-то новое — не покорность, а спокойствие: он больше не пытался быть незаметным.

Кира чуть нахмурилась, будто этот спокойный взгляд сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но уже не так резко — будто в её броне появилась маленькая царапина, через которую пробивался свет.

Дома мама снова спросила, как день. И на этот раз Артём ответил не «нормально», а честно:

— Было тяжело. Но я заступился за Марка. Просто сказал, что про него нельзя так говорить.

Мама посмотрела на него долго, будто видела в нём что-то новое, и тихо сказала:

— Это очень взрослое решение. Не пытаться быть сильнее всех, а не позволять неправде побеждать. Я горжусь тобой.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не стал прятаться. Я сказал своё слово. И оно не сломалось. Значит, я могу быть собой — тихим, внимательным, не таким, как все, — и при этом быть сильным. Потому что сила — это ещё и умение не дать злу звучать громче добра».

Глава 8. День восьмой. Когда чужой взгляд становится своим

Восьмой день Артём начал с мысли, которая раньше казалась ему странной: «Может, странность — это не то, что надо прятать, а то, чему можно научить». Он не собирался никого переделывать, но вдруг подумал, что если Марк, который привык видеть угрозы и расстановку сил, начнёт замечать ещё и тени, трещины, полустёртые буквы — мир станет для него чуть объёмнее. А для Артёма — чуть безопаснее: когда кто-то видит то же, что и ты, это значит, что ты не выдумываешь.

После уроков они снова пошли в библиотеку — проект требовал порядка, а в коридорах порядок рассыпался от каждого громкого голоса. Марк пришёл с фотоаппаратом и ещё с одним листом — на этот раз он сам его выбрал: фото ржавой таблички у заброшенного подъезда, где краска облупилась так, что буквы складывались в причудливые узоры.

— Смотри, — сказал он, кладя снимок перед Артёмом. — Я вчера ходил снимать «следы». И вдруг поймал себя на том, что ищу не просто старые штуки, а... как бы это сказать... те, в которых есть история. Вот эта табличка — она будто пыталась что-то сказать, но её закрасили. И теперь она говорит шёпотом.

Артём улыбнулся — не широко, а так, будто внутри щёлкнуло что-то правильное.

— Ты это заметил, — тихо сказал он. — Это и есть то, о чём я говорил. Город не кричит. Он шепчет. И если не умеешь слушать шёпот, слышишь только шум.

Марк кивнул, будто примерял эту мысль, как новую куртку: сначала она казалась непривычной, но потом становилось понятно, что сидит хорошо.

— Знаешь, — признался он, — раньше я смотрел на такие штуки и думал: «мусор». А теперь думаю: «а вдруг это карта?» Не карта улиц, а карта того, что люди чувствовали, когда тут жили.

Они разложили на столе всё, что собрали: фото, зарисовки, обрывки афиш, даже кусочек облупившейся краски, который Артём аккуратно снял с подоконника и завернул в салфетку. Марк вдруг взял один из набросков Артёма — тот самый, где тень от ветки была нарисована как изломанная стрелка.

— Я хочу использовать это в презентации, — сказал он. — Не как «странную штуку», а как символ. Как поворот, который не виден на карте, но который меняет твой путь.

Артём почувствовал, как внутри что-то тихо теплеет — не гордость, а облегчение: его взгляд стал не оправданием, а инструментом.

Но тишина длилась недолго. В библиотеку снова зашла компания Саши. На этот раз они не стали разбрасывать листы — видимо, после замечания библиотекаря решили действовать тоньше. Саша остановился у соседнего стола, нарочно громко листая учебник, и время от времени бросал фразы, которые вроде бы не были адресованы Артёму и Марку, но летели точно в их сторону.

— Кому вообще интересны эти старые железки? — протянул он, будто рассуждая вслух. — Это же просто хлам. Кто будет смотреть на облупившуюся краску?

Дима подхватил:

— Наверное, те, кому больше нечем заняться.

Ребята захихикали, и этот смех был как мелкая дробь — не больно, но неприятно, будто кто-то сыпал песок за воротник. Артём почувствовал, как привычное напряжение снова тянет плечи вниз. Но на этот раз рядом был не только Марк — рядом был и его собственный голос, который уже однажды не сломался.

Марк не стал огрызаться. Он просто спокойно посмотрел на Сашу и сказал:

— Если тебе неинтересно — не смотри. Но не называй это хламом. В этом есть смысл. И Артём его видит.

Саша хотел что-то ответить, но тут Артём вдруг сам добавил — не громко, но чётко:

— Это не хлам. Это следы. Если ты не видишь следов, это не значит, что их нет.

Все обернулись. Даже Марк посмотрел на него с коротким удивлением — не потому что не верил, а потому что услышал эту фразу именно от Артёма: спокойную, без надрыва, как констатацию факта.

Саша прищурился, будто пытался понять, как это работает: почему тихий парень вдруг говорит так, будто знает, о чём речь.

— Ну, допустим, — буркнул он, будто сдавая позицию на полшага. — Но кому это надо?

И тут Марк неожиданно улыбнулся — не насмешливо, а как будто нашёл выход:

— Нам надо. И, может, ещё кому-то. Давай ты не будешь решать за всех, что им интересно.

Саша фыркнул, махнул рукой и отошёл, уводя компанию. В зале снова стало тише, но теперь тишина звучала иначе — не как отсутствие шума, а как признание: их работа имеет право быть.

Когда они остались вдвоём, Марк посмотрел на Артёма и тихо сказал:

— Знаешь, я раньше думал, что «видеть» — это про то, чтобы замечать, кто на кого смотрит и кто готов что-то выкинуть. А теперь понимаю, что есть и другое зрение. Твоё. И оно тоже нужно.

Артём пожал плечами, будто это не было чем-то особенным, хотя внутри всё ещё дрожало от того, что он снова сказал своё слово и оно не сломалось.

— Просто... — начал он и запнулся, подбирая слова. — Просто если никто не будет замечать следы, они исчезнут. А если исчезнут следы — исчезнет и память о том, что тут было.

Марк кивнул, будто услышал что-то важное.

— Тогда будем их собирать, — спокойно сказал он. — И показывать. Даже если кому-то это кажется мусором.

Они продолжили работать. На этот раз Артём не просто подсказывал, где искать: он учил Марка видеть. Показывал, как тень от решётки ложится на стену не просто пятном, а узором, похожим на карту подземных ходов. Объяснял, как облупившаяся краска может напоминать застывшие волны. Марк слушал, кивал, иногда переспрашивал: «А если вот отсюда посмотреть? А если при другом свете?» — и это было самым ценным: он не притворялся, что сразу всё понял, а честно пытался научиться.

В какой-то момент Марк сам нашёл новый «след»: на старом плакате, который они собирались использовать, была крошечная деталь — отпечаток пальца, почти стёртый, но всё ещё заметный. Он показал его Артёму:

— Смотри. Кто-то держал этот плакат. Может, клеил, может, просто смотрел. Но он был здесь. И его след остался.

Артём улыбнулся.

— Вот это и есть самое главное, — тихо сказал он. — Не здания, не улицы, а люди. Их следы. Их присутствие.

Перед уходом Артём достал свою тетрадь и написал: «День 8. Сегодня Марк начал замечать то, что вижу я. Не потому что я его заставил, а потому что он захотел. И это оказалось самым сильным подтверждением: мой взгляд не странный — он просто другой. И в паре с его взглядом он делает картину полнее. Я понял, что защищать свой способ видеть мир — это не только про то, чтобы не дать себя обидеть. Это ещё и про то, чтобы показать: в этом есть ценность. И когда кто-то другой начинает это видеть — мир становится чуть добрее».

По дороге домой они шли рядом, не слишком близко, но и не далеко — так, чтобы чувствовать, что рядом есть тот, кто не даст загнать тебя в угол и кто теперь смотрит на мир чуть-

чуть иначе. Кира снова стояла у остановки. На этот раз она не куталась в шарф и не смотрела в телефон — она смотрела прямо на них, будто пыталась понять, что изменилось. Артём не стал отворачиваться. Он просто коротко кивнул, и в этом кивке было что-то новое — не покорность, а спокойствие: он больше не пытался быть незаметным, потому что теперь у него был союзник, который видел то же, что и он.

Кира чуть нахмурилась, будто этот спокойный взгляд сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но уже не так резко — будто в её броне появилась маленькая царапина, через которую пробивался свет.

Дома мама снова спросила, как день. И на этот раз Артём ответил не «нормально», а честно:

— Было тяжело, но... хорошо. Марк теперь замечает тени и трещины. Он сам их ищет. И мы собрали целую папку следов — тех, что люди оставляли, сами того не зная.

Мама улыбнулась — не слишком ярко, чтобы не давить, а так, будто радовалась тихому, но важному событию.

— Рада, что ты нашёл того, с кем можно не прятать свой взгляд, — сказала она.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не просто защищал себя. Я делился своим способом видеть мир. И Марк его принял. Это значит, что моя странность — не дыра, в которую всё вытекает, а окно, через которое видно то, чего другие не замечают. И когда кто-то встаёт рядом и тоже смотрит в это окно — мир становится больше».

Глава 9. День девятый. Когда слово преподавателя бьёт сильнее смеха

Девятый день Артём начал с осторожного чувства, которое раньше ему не доводилось испытывать: уверенности. Не той, что кричит «я лучший», а тихой, собранной — как у человека, который знает, что делает, и готов отвечать за свои слова. Проект с Марком обретал форму, папка «следов» становилась всё толще, а в тетради появлялись не только жалобы на тяжесть дней, но и короткие заметки о том, что получается: «Сегодня Марк сам заметил тень-стрелку», «Мы придумали, как соединить фото и текст», «Я не спрятался».

Но школа умеет проверять уверенность на прочность — и делает это не всегда кулаками. Иногда самое сильное давление приходит оттуда, откуда его меньше всего ждёшь: от взрослых.

На уроке географии учительница, Елена Сергеевна, была из тех, кто ценил порядок и чёткие ответы. Она не терпела «лирики» и не любила, когда ученики пытались объяснить мир не формулами, а ощущениями. Артём её немного побаивался: она смотрела так, будто сразу видела, где ты неуверен, и могла нажать на эту точку одним словом.

Когда дошла очередь до их проекта, Елена Сергеевна попросила Артёма кратко рассказать суть. Он старался говорить просто, без красивых оборотов — так, как они с Марком договаривались: «Мы собираем следы людей в городе: трещины, старые вывески, тени. Показываем, что город — это не только улицы, это ещё и память о тех, кто по ним ходил».

Елена Сергеевна чуть приподняла бровь, будто услышала что-то неуместное.

— «Следы памяти»? — переспросила она, и в её голосе прозвучало не любопытство, а лёгкая насмешка, от которой по классу пробежал короткий смешок. — Артём, мы на географии, а не на литературе. Город — это координаты, высоты, климатические пояса. А не «тени и трещины».

Артём почувствовал, как привычная тяжесть снова тянет его вниз: может, они и правда придумали что-то глупое? Может, их проект — это просто попытка спрятать его «странность» за красивой идеей?

Саша тут же не упустил шанса — он откинулся на стуле и нарочно громко прошептал так, чтобы слышала вся комната:

— Ну вот, я же говорил: он везде видит знаки.

Класс снова хихикнул, и этот смех был как холодный ветер — не сильный, но пробирающий до костей. Артём уже почти опустил глаза, почти позволил этому чувству победить, как вдруг вспомнил не про силу, а про правду. Их проект был не про «знаки» и не про мистику. Он был про следы. Про то, что люди оставляют после себя. И это имело право на существование, даже если кому-то казалось странным.

Он сделал медленный вдох — не чтобы набраться злости, а чтобы голос не дрожал — и тихо, но отчётливо произнёс:

— Это не мистика. Это наблюдение. Мы не придумываем смыслы там, где их нет. Мы показываем, что в обычных вещах можно увидеть историю. Например, трещина на асфальте — это след времени. Старая вывеска — след чьей-то работы. Тень — след света. Это всё реальные вещи, просто мы смотрим на них под другим углом.

Елена Сергеевна нахмурилась, будто не ожидала, что тихий мальчик ответит не оправданием, а объяснением.

— Под другим углом — это хорошо, — сухо сказала она. — Но угол должен опираться на факты. Где ваши факты?

И тут Артём почувствовал, как внутри что-то щёлкает на место. Факты у них были. Не сухие цифры, а наблюдения, которые они записывали каждый день: где нашли старую табличку,

когда сделали снимок, как менялась тень в разное время суток. Это были их маленькие, но настоящие данные.

— У нас есть фотофиксация и описания, — спокойно сказал он. — Мы записывали время и место каждого «следа», чтобы показать, как город меняется. Например, одна вывеска исчезла за три недели — мы это зафиксировали. Это тоже факт.

Марк, который сидел рядом, чуть наклонил голову, будто слушал не слова, а то, как Артём их произносит, и в его взгляде было тихое «ты справляешься». Это придавало сил.

Елена Сергеевна помолчала, будто взвешивала его слова.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Если у вас есть фиксация, это уже не просто размышления. Но я хочу видеть чёткую структуру: что вы фиксировали, как, зачем. И чтобы это было понятно не только вам двоим.

Артём кивнул.

— Мы сделаем, — сказал он. — У нас уже есть черновик структуры.

Урок закончился, и класс начал шумно собираться. Саша снова попытался зацепить:

— Ну, философ, теперь тебе надо ещё и факты собирать, — протянул он, будто это было чем-то смешным.

Но на этот раз Артём не стал прятаться за словами «да ладно, я ничего». Он посмотрел Саше прямо в глаза — не с вызовом, а с усталостью от этой бесконечной игры — и спокойно ответил:

— Да. Факты. Чтобы никто не мог сказать, что мы всё придумали.

Саша чуть нахмурился, будто столкнулся с чем-то непривычным: вместо того чтобы оправдываться, Артём просто делал свою работу. Он хмыкнул, махнул рукой и пошёл прочь, будто потерял интерес.

В коридоре Марк хлопнул Артёма по плечу — легко, без лишней торжественности.

— Ты молодец, — тихо сказал он. — Не сорвался, не начал оправдываться. Просто объяснил. И самое крутое — ты правда привёл факты. Я и забыл, что мы их записывали.

Артём пожал плечами, хотя внутри всё ещё слегка дрожало.

— Просто... когда ты знаешь, что у тебя есть основания, становится легче говорить.

Они пошли в библиотеку, чтобы доработать структуру. Марк теперь смотрел на их материалы не только как на «следы», но и как на данные: отмечал даты, места, даже угол съёмки. Он начал замечать не только «красивое», но и «важное для доказательства».

— Знаешь, — вдруг сказал он, раскладывая листы, — я раньше думал, что факты — это скучно. А теперь вижу: факты — это как каркас. Без него любая красивая идея разваливается. А с ним она становится настоящей.

Артём улыбнулся.

— А я раньше думал, что мои наблюдения — это просто «странности». А теперь понимаю: если их правильно зафиксировать, они становятся фактами.

Перед уходом Артём достал свою тетрадь и написал: «День 9. Сегодня я дал отпор не криком, а правдой. Я не стал оправдываться за то, что вижу мир иначе. Я показал, что у моего взгляда есть опора — факты, наблюдения, фиксация. И это сработало. Учительница не сказала это круто, но она перестала смеяться. А это уже победа. Я понял, что сила — это не в том, чтобы быть громче всех. Сила — в том, чтобы стоять на своём, когда знаешь, что ты прав. И ещё я понял, что Марк теперь не просто мой союзник. Он мой напарник: он помогает мне превращать мои странности в факты, а я помогаю ему видеть то, что прячется за очевидной картиной».

По дороге домой они шли рядом, не слишком близко, но и не далеко — так, чтобы чувствовать, что рядом есть тот, кто не даст загнать тебя в угол и кто теперь смотрит на мир чуть-чуть иначе. Кира снова стояла у остановки. На этот раз она не куталась в шарф и не смотрела в телефон — она смотрела прямо на них, будто пыталась понять, что изменилось. Артём не стал

отворачиваться. Он просто коротко кивнул, и в этом кивке было что-то новое — не покорность, а спокойствие: он больше не пытался быть незаметным, потому что теперь у него был напарник, и у их идеи были факты.

Кира чуть нахмурилась, будто этот спокойный взгляд сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но уже не так резко — будто в её броне появилась маленькая царапина, через которую пробивался свет.

Дома мама снова спросила, как день. И на этот раз Артём ответил не «нормально», а честно:

— Было тяжело. Учительница сказала, что наш проект — это не география, а лирика. Но я не стал оправдываться. Я объяснил, что у нас есть факты и фиксация. И она... не стала смеяться. Сказала, что хочет увидеть структуру.

Мама села рядом, улыбнулась — не слишком ярко, чтобы не давить, а так, будто радовалась тихому, но важному событию.

— Это очень взрослое решение, — тихо сказала она. — Не пытаться понравиться любой ценой, а защищать своё дело. Я горжусь тобой.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не позволил чужой насмешке стать моей правдой. Я сказал: Это не выдумка. Это наблюдение. И это оказалось самым сильным словом, которое я мог произнести. Потому что оно было про уважение к себе и к своей работе. И я понял: иногда отпор — это не крик и не злость. Иногда отпор — это просто спокойная правда, сказанная вслух».

Глава 10. День десятый. Когда тяжесть делится пополам

День начинался так, будто хотел притвориться обычным. Артём даже поймал себя на мысли: «Может, сегодня просто пройдёт спокойно?» Он собрал рюкзак, проверил, лежат ли в кармане распечатки для проекта — не просто бумажки, а их с Марком «следы»: фото, зарисовки, аккуратные пометки о времени и месте. Это давало опору: если в школе снова начнут давить, у него есть не просто «странные идеи», а факты.

Но дома тишина была не спокойной, а натянутой, как струна, которая вот-вот сорвётся. Мама стояла у раковины, не мыла посуду — просто держала в руках тарелку и смотрела в окно, будто пыталась разглядеть там что-то важное. На столе лежала стопка писем, сверху — конверт с официальной печатью. Артём сразу понял: это не хорошие новости.

— Мам? — тихо позвал он. — Ты как?

Мама будто вздрогнула, будто только сейчас вспомнила, что он здесь.

— Прости, — сказала она, и голос у неё был не усталым, а каким-то пустым, будто она вычерпала из себя все силы. — Просто... на работе опять что-то меняют. Сокращают ставки. И я не знаю, что будет дальше.

Артём подошёл и осторожно забрал у неё тарелку — не потому что хотел помочь с посудой, а чтобы у неё в руках не было ничего, что могло бы разбиться от дрожи.

— А мы... — начал он и запнулся, потому что слово «выживем» звучало слишком громко и по-взрослому, а он не хотел быть взрослым в этот момент. — Мы справимся, да?

Мама слабо улыбнулась — не от радости, а скорее от того, что ей нужно было хоть как-то ответить.

— Конечно, — сказала она. — Просто сейчас... тяжело. Прости, что я не такая бодрая, как раньше.

Он хотел сказать «ты не должна быть бодрой», но вместо этого просто обнял её — неловко, боком, потому что они редко обнимались просто так. И вдруг почувствовал, как мама на секунду прижалась к нему чуть крепче, будто искала опору.

— Я сегодня хорошо держался, — тихо сказал он, сам не зная, зачем говорит это именно сейчас. — Учительница смеялась над нашим проектом. А я не стал оправдываться. Я сказал, что у нас есть факты, и мы всё записали.

Мама отстранилась, но только чтобы посмотреть на него, будто пыталась увидеть в нём что-то новое.

— Ты... за себя постоял? — переспросила она, и в её голосе было не удивление, а тихая гордость, как будто она смотрела на сына и вдруг поняла, что он вырос на полшага.

— Да, — кивнул Артём. — Не кричал. Просто сказал правду.

Она снова вздохнула, но на этот раз в этом вздохе было не отчаяние, а облегчение.

— Знаешь, — сказала она, — иногда самое трудное — не сорваться на крик и не спрятаться, а просто сказать: «Я делаю вот так, и у меня есть основания». Ты это сделал. Это очень много.

Они сели за стол — не чтобы ужинать, а чтобы просто быть рядом.

Десятый день Артём начал с непривычного чувства: он вдруг понял, что не обязан быть «удобным» и «тихим» ни в школе, ни дома. Вчерашний вечер с мамой — когда они просто сидели рядом, не пытаясь друг друга подбодрить пустыми фразами, — оставил после себя не пустоту, а странную ясность: если тяжело, можно не прятать это, а положить на стол, как ещё одну вещь, которую нужно учесть.

В школу он шёл не с надеждой, что всё будет легко, а с тихой готовностью: если снова начнётся — у него есть не только факты для проекта, но и право не позволять чужим словам становиться его правдой. Марк уже ждал у шкафчиков — не один, а будто заранее занял место, чтобы Артёму не пришлось стоять в одиночестве.

— Ты как? — коротко спросил он, не как дежурный вопрос, а как человек, который знает, что бывают дни, когда даже простое «нормально» даётся с трудом.

Артём чуть помедлил, прежде чем ответить. Раньше он бы привычно сказал «всё ок», чтобы не грузить никого своими проблемами. Но сейчас внутри что-то тихо щёлкнуло: Марк не тот, кто будет смеяться над чужой тяжестью.

— Дома непросто, — честно ответил он. — Мама на работе переживает из-за сокращений. Вчера мы просто сидели и не делали вид, что всё легко.

Марк кивнул, будто услышал не жалобу, а важную деталь, которая помогает понять, почему сегодня Артём чуть медленнее двигается и чуть крепче держит рюкзак.

— Если хочешь, можем сегодня не про город, а про... ну, про что-то спокойное, — предложил он. — Или вообще просто разложить листы и помолчать.

Но Артём вдруг понял, что именно работа сейчас и есть его способ не утонуть в тяжести.

— Нет, — тихо сказал он. — Давай про город. Мне кажется, если я буду собирать следы, мне будет легче держать равновесие. Как будто я не просто стою, а что-то делаю.

И они пошли в их тихий уголок между спортзалом и мастерской — туда, где почти никто не ходил и где можно было разложить на подоконнике распечатки, не боясь, что кто-то нарочно заденет стопку и рассыплет всё по полу.

Они как раз раскладывали снимки, когда в коридор заглянул Саша. Он не стал сразу бросаться насмешками — сегодня в нём было что-то другое, будто он проверял, насколько хрупкой осталась эта новая уверенность Артёма.

— О, опять ваши «следы», — протянул он, останавливаясь в проёме и нарочно загораживая свет. — Ну, собирайте. Вдруг потом в музее выставят.

Дима рядом хихикнул, но как-то неуверенно, будто сам не знал, смешно ему или уже не очень.

Артём почувствовал, как привычное напряжение тянет плечи вниз, но на этот раз оно не стало лавиной. Оно стало просто весом, с которым можно было справиться. Он посмотрел не на Сашу, а на один из снимков — на старую вывеску, где облупившаяся краска складывалась в причудливые узоры, похожие на карту подземных ходов. И вдруг понял: это не мусор. Это чья-то история, которую они с Марком решили сохранить.

— Да, собираем, — спокойно сказал он, поднимая взгляд на Сашу. — И если тебе неинтересно — можешь идти. Нам мешать не надо.

Саша чуть прищурился, будто не ожидал, что ему ответят без злости, но и без оправданий.

— Какой ты теперь деловой, — буркнул он, но в голосе уже не было прежней язвительности — скорее, лёгкое раздражение от того, что его насмешка не сработала.

Марк спокойно подвинул к себе один из листов и начал делать пометки — будто и вовсе не замечал Сашу, будто весь мир состоял только из фактов, дат и углов съёмки.

— Пойдём, — махнул рукой Саша компании, и они ушли, оставив после себя только эхо шагов и ощущение, что напряжение чуть-чуть рассеялось.

Когда они остались вдвоём, Марк посмотрел на Артёма и тихо сказал:

— Ты сегодня по-другому держался. Не как будто пытаешься стать невидимым, а как будто знаешь, что имеешь право тут быть.

Артём пожал плечами, хотя внутри всё ещё слегка дрожало — не от страха, а от того, как непривычно было стоять на своём.

— Просто... — начал он и запнулся, подбирая слова. — Просто дома сейчас тяжело. И если я ещё и тут буду прятаться, мне совсем нечего будет держать. А проект — это как опора.

Марк молча кивнул, будто понял не слова, а то, что за ними стояло.

— Тогда давай сделаем её крепче, — спокойно сказал он. — Я возьму на себя структуру: даты, места, логику. А ты — образы и ассоциации. Пусть это будет не просто папка, а такая штука, которую нельзя отмахнуть одним словом.

Они работали молча, но это молчание не давило — оно было как пауза между двумя аккордами, когда звуки ещё висят в воздухе, а ты просто даёшь им время осесть. Артём записывал: «Тень от решётки похожа на карту подземных ходов», «Облупившаяся краска — как застывшие волны», «Отпечаток пальца на плакате — кто-то держал это и смотрел». Марк рядом вписывал рядом: «Фото сделано 15.10, 16:42», «Место: угол Ленина и Мира, у заброшенного подъезда», «Угол съёмки: 45 градусов».

Постепенно из разрозненных деталей начал складываться каркас — не только для проекта, но и для уверенности Артёма: если кто-то снова скажет «это просто мусор», у них будет не оправдание, а факты.

На большой перемене они пошли в столовую — не к дальнему столику, где Артём раньше старался быть незаметным, а к тому, где было чуть светлее и где можно было не чувствовать себя загнанным в угол. По дороге им встретилась Кира. Она шла быстро, опустив голову, будто пыталась оставить позади что-то неприятное. На секунду их взгляды встретились — и в её глазах мелькнуло что-то странное: не раздражение, а скорее усталость, будто и ей сегодня было непросто. Артём не стал отворачиваться. Он просто коротко кивнул — не как поклон, а как тихое «я вижу, что тебе тоже нелегко». Кира чуть нахмурилась, будто этот простой жест сбил её с привычного ритма, и отвернулась, но уже не так резко.

В столовой Марк взял поднос и вдруг остановился.

— Слушай, — тихо сказал он, пока они стояли в очереди. — Если дома тяжело, ты не обязан всё держать в себе. Если хочешь просто выговориться — я тут. Или, наоборот, если хочешь вообще не про это — можем весь день говорить про тени, трещины и старые вывески. Без всякого смысла, просто чтобы не думать про остальное.

Артём на секунду замер, будто ему протянули что-то очень хрупкое и очень нужное.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Пока... пока лучше про город. Но знать, что можно про другое — важно.

После уроков они ещё немного посидели в тихом уголке, дописывая последние детали. Марк вдруг взял один из набросков Артёма — тот самый, где тень от ветки была нарисована как изломанная стрелка — и тихо сказал:

— Знаешь, эта штука... она как поворот, который ты замечаешь только тогда, когда идёшь и смотришь под ноги. Я хочу поставить её в начало презентации. Пусть это будет как наш девиз: «Город говорит шёпотом. Надо уметь слушать».

Артём улыбнулся — не широко, а так, будто внутри что-то тихо согрелось.

— Мне нравится, — сказал он. — Пусть будет так.

Перед уходом он достал свою тетрадь и написал: «День 10. Сегодня тяжесть не исчезла — дома всё ещё непросто, в школе не все стали добрыми. Но я понял, что её можно делить. Не обязательно нести одному. Марк не забирает её целиком, но держит часть, чтобы мне было легче. И проект стал не просто работой, а опорой: когда я фиксирую следы, я как будто говорю миру: Я вижу. И я не позволю этому исчезнуть. И ещё я понял: иногда самое сильное нет — это не крик, а спокойное я делаю вот так, и у меня есть основания. И это основание — не только факты. Это ещё и человек, который сидит рядом и не даёт тебе поверить, что ты один».

По дороге домой они шли рядом, не слишком близко, но и не далеко — так, чтобы чувствовать, что рядом есть тот, кто не даст загнать тебя в угол. У остановки снова стояла Кира. На этот раз она снова смотрела прямо на них, очередные попытки понять, что изменилось.

Артём больше не пытался быть незаметным, потому что теперь у него был напарник, и у их идеи были факты, а у его тяжести — тот, кто готов держать часть.

Дома мама уже ждала его. На столе не было стопки писем — она, видимо, убрала их, чтобы не пугать сына лишней тревогой. Но в её взгляде всё ещё оставалась усталость.

— Как день? — спросила она, и в этом вопросе не было попытки сделать вид, что всё прекрасно. Она просто хотела знать.

— Было непросто, — честно сказал Артём. — Но мы с Марком почти закончили проект. И я... я не прятался.

Мама села рядом и тихо улыбнулась — не ярко, а так, будто радовалась тихому, но важному событию.

— Рада, что ты не прячешься, — сказала она. — И рада, что у тебя есть с кем делить тяжесть. Это самое трудное — не тянуть всё одному.

Перед сном Артём снова открыл тетрадь и дописал внизу страницы: «Сегодня я не пытался сделать вид, что всё легко. Я честно сказал, что дома тяжело. И это не сломало меня — наоборот, стало легче. Потому что когда ты не притворяешься, что всё нормально, тяжесть становится видимой, а значит, её можно разделить. И я понял: сила — это не когда тебе ничего не страшно. Сила — это когда тебе страшно и тяжело, но ты всё равно делаешь своё дело и не позволяешь чужой насмешке становиться твоей правдой».

Глава 11. День одиннадцатый. Тёплое слово и чужой холод

Одиннадцатый день начался с запаха свежей выпечки — и это уже было странно. Обычно по утрам в квартире пахло спешкой: шелчком чайника, шуршанием куртки, тихим «собирайся быстрее». А сегодня воздух был чуть гуще, будто в него добавили что-то мягкое — корицу, ваниль, тепло.

Мама стояла у плиты, и на её лице было не напряжение, а сосредоточенность, как у человека, который делает что-то важное не для галочки, а чтобы показать: «Я тут. Я стараюсь». На столе уже лежала стопка тонких блинчиков, а рядом — маленькая баночка с вареньем, которую она достала из дальнего шкафа: то самое, прошлогоднее, из чёрной смородины, которое Артём любил больше всего.

— Это... чтобы день был чуть вкуснее, — тихо сказала она, будто извинялась за то, что не может сделать его целиком хорошим. — Знаю, что от проблем не спасает. Но пусть хотя бы завтрак будет нормальным.

Артём сел, положил на тарелку один блинчик, полил вареньем — и вдруг понял, что это и есть тот самый маленький, но важный способ поддержки: не «всё будет отлично», не пустые обещания, а простое «я рядом, и я делаю для тебя хоть что-то».

— Спасибо, мам, — сказал он, и голос чуть дрогнул не от грусти, а от того, как сильно это маленькое усилие отозвалось внутри. — Блинчики — это... это прямо вовремя.

Она улыбнулась — не широко, а так, будто ей тоже стало чуть легче от того, что он это заметил.

Но утро не успело стать уютным до конца. В дверь позвонили — резко, настойчиво, как будто звонили не в гости, а по делу. Мама нахмурилась: она никого не ждала. А когда открыла, на пороге стояла тётя Лариса — мамина старшая сестра, высокая, прямая, с тем взглядом, который будто сразу подмечает все недочёты: криво висящую вешалку, пыль на полке, тихий голос племянника.

— Ну, наконец-то, — сказала она, проходя внутрь и оглядываясь так, будто оценивала не квартиру, а саму ситуацию. — Я тут мимо, решила заглянуть. А то ты пропала, не звонишь.

Мама чуть напряглась, будто из комнаты сразу выдуло всё тепло.

— Прости, Ларис, работы много... — начала она, но тётя уже сняла пальто, повесила его так, что вешалка скрипнула, и повернулась к Артёму.

— А ты чего сидишь? — спросила она, глядя на него так, будто он должен был вскочить и принести тапочки. — В школу собираешься или так и будешь блинчики уминать?

Артём сжал вилку, но не от злости, а от привычки — привычно сжаться, стать меньше, чтобы не мешать. Но тут он вспомнил вчерашнюю запись в тетради: «Сила — это когда тебе тяжело, но ты всё равно делаешь своё дело и не позволяешь чужой насмешке становиться твоей правдой». И он не стал прятать взгляд.

— Я собираюсь, — спокойно сказал он. — Просто завтракаю.

Тётя Лариса чуть приподняла бровь, будто не привыкла, чтобы ей отвечали без суеты.

— Завтрак — это хорошо, — сухо сказала она. — Только вот ты, Артём, вечно в своём мире. То тени разглядываешь, то сидишь, будто ждёшь, пока всё само решится. Тебе бы побольше активности, побольше уверенности. А то так и просидишь всю жизнь в уголке.

В комнате стало тихо — не спокойной тишиной, а такой, когда все ждут, что будет дальше. Мама открыла рот, будто хотела что-то сказать, но слова будто застряли: между сёстрами всегда было это странное напряжение — когда одна говорит громко, а другая старается не спорить, чтобы не было ссоры.

Артём почувствовал, как привычное чувство вины начинает подниматься изнутри: может, он и правда слишком тихий? Может, он и правда прячется? Но потом он вспомнил тихий уголок между спортзалом и мастерской, вспомнил, как Марк сказал: «Твоё зрение тоже нужно», вспомнил папку с «следами», где каждая фотография была подписана временем и местом — не потому что это было обязательно, а потому что это было важно.

Он положил вилку, не резко, а спокойно, и посмотрел тёте Ларисе прямо в глаза — не с вызовом, а с тем же спокойствием, с каким говорил с Еленой Сергеевной.

— Я не прячусь, — тихо, но отчётливо сказал он. — Я просто вижу мир по-другому. И это не значит, что я ничего не делаю. Сейчас я делаю школьный проект про город: мы с напарником собираем следы — старые вывески, трещины, тени. Мы всё фиксируем: время, место, угол съёмки. Это не про лень. Это про внимание.

Тётя Лариса на секунду замерла, будто столкнулась с чем-то непривычным: тихий мальчик вдруг не оправдывался, а объяснял.

— Следы? — переспросила она, и в её голосе уже не было прежней уверенности, будто слово «следы» выбило её из привычной колеи. — Ну... это... необычно.

— Да, — кивнул Артём. — Необычно. Но это моё дело. И я стараюсь.

Мама наконец выдохнула — будто только сейчас поняла, что всё это время задерживала дыхание.

— Он правда старается, — тихо сказала она, и в этом «старается» было столько тепла, сколько не было бы в громких похвалах. — И проект у него... особенный. Он замечает то, что другие не видят.

Тётя Лариса ещё раз огляделась, будто пыталась найти что-то, к чему можно придраться, но не нашла — или просто поняла, что сегодня не стоит.

— Ладно, — буркнула она, садясь за стол и беря блинчик. — Пусть будет «следы». Лишь бы учился нормально.

И хотя в её словах всё ещё слышалась привычка командовать, острота ушла. Она не стала смеяться над проектом, не стала называть его «ерундой». Она просто приняла, что у Артёма есть своё дело — пусть и не такое, как ей хотелось бы.

Перед уходом Артём достал свою тетрадь и написал: «День 11. Сегодня меня снова пытались заставить чувствовать себя неправильным. Но на этот раз я не стал оправдываться. Я просто сказал: Это моё дело, и я стараюсь. И это сработало не потому, что все сразу стали добрыми, а потому что я сам не позволил чужой критике стать моей правдой. А ещё я понял, как много значит одно тихое он старается от мамы. Это не спасает от всех проблем, но это даёт опору: если кто-то видит твои старания, их труднее стереть чужими словами. И ещё я понял: иногда самое важное — не победить в споре, а просто спокойно сказать: Я делаю вот так. И у меня есть на это основания».

В школе его уже ждал Марк — не у шкафчиков, а чуть в стороне, там, где начинался их тихий коридорчик. Он держал в руках распечатанный лист — их будущий титульный слайд. На нём была та самая тень-стрелка Артёма, а под ней — аккуратная надпись, которую придумал Марк: «Город говорит шёпотом. Надо уметь слушать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.